

Уже два года один из известных наших писателей детективного жанра **Георгий Александрович ВАЙНЕР** работает в Нью-Йорке исполнительным директором старейшей эмигрантской газеты «Новое русское слово». Недавно он на несколько дней прилетал в Москву.

— Как же вы стали эмигрантом? А Аркадий Александрович тоже уехал?

— Аркадий по-прежнему живет и работает в Москве. Больше того, мы пишем новый роман, главный «герой» которого — транснациональная преступность. Да и я не собираюсь эмигрировать. Это, если хотите, длительная творческая командировка: издатель и владелец «Нового русского слова» считает, что реальную информацию в его газете о жизни в СНГ нужно получать от журналистов, живущих этой жизнью.

— Как же последний в эмигрантской газете человек скажите, пожалуйста, чем русская эмиграция, российские эмигранты отличаются от всех других?

— К примеру, чисто советское явление — это «волны» нашей эмиграции, с их непримиримостью, болезненным антагонизмом неприятием друг друга. Мне всегда больно слышать плохое о выходящих из России. Никто не становится эмигрантом, переселенцем от хорошей жизни. Лишения — экономические, политические, другие заставляют людей порвать с прошлым, переехать на новый континент и начать новую жизнь с новым комплексом трудностей и проблем. Советские эмигранты особенно мучительно переживают этот процесс. Ведь в большинстве своем они прошли через бездну страданий, лишений и, в отличие от всех остальных, приезжают в Америку нищими, лишенными всего.

И все-таки меня чрезвычайно радует, что не встречал я пока людей, затаивших злобу на страну. Не любят они коммунистов, кагэбэшников, чиновный слой. Но о людях и стране сохраняют добрую память.

— Ваши книги — лучший показатель того, что вы всегда хорошо знали нашу криминогенную обстановку. Как вы находите — она изменилась в последние два года, что вы отсутствовали?

— Еще как! Организованная преступность у нас была и раньше. Ее мафиозный характер легко прочитывается любым профессионалом, знающим этот предмет. Теперь мафия перестала скрываться. Милиция и правоохранительные органы по понятным причинам стали слабее. Закон нестабилен. И организованная преступность обнагдела чрезвычайно.

Процесс в общем-то закономерный. Демократизация общества всегда какое-то время сопровождается ростом преступности. Кстати, мафия загонялась в глубокое подполье, уничтожалась только при тоталитарных режимах: это удалось Гитлеру, Сталину. Уже в 39-м году «отец народов» мог хвастаться, что в СССР нет организованной преступности. Это была правда. Но достиг от этого (как бы от имени народа) за счет чудовищного, неслыханного беззакония и террора. Потом все вернулось на круги своя.

Сегодня ее, с одной стороны, подпитывает ужасное обнищание людей, с другой — чудовищный и достаточно неправедный процесс обогащения определенного — и немало! — слоя бизнесменов, которых преступникам чрезвычайно легко «дойти». Но беда в том, что наши преступники — далеко не Робин Гуды. Привыкнув «дойти» нуворишей, они начинают грабить, убивать, душить, насиловать всех подряд.

— Тем не менее вы считаете этот процесс объективным?

— Конечно. Власть нынче слаба, соблазн воровать велик, а отсутствие демократических традиций, огромное количество асоциальных элементов, «афганский синдром» — все это, вместе взятое, не может не дать взлета воровства, бандитизма, насилия.

Но этот всплеск никак нельзя связывать с именами, скажем, Горбачева или Ельцина. Преступность наступает не потому, что какие-то ошибки допустил тот или другой лидер, а потому, что идут огромные политические и социальные изменения в самом обществе. И это будет продолжаться, пока не наступит политическая и, главным образом, экономическая стабильность. Преступления порождаются социальными реалиями и умирают с

исчезновением причин, вызывающих их к жизни. Как исчезли в свое время воры-«голубятники» — сами по себе, без усилий милиции, так сейчас без наших «усилий» возник новый вид преступлений — рэкет.

— Можно ли сравнивать криминальную ситуацию, обрисованную, например, в «Эре милосердия», с тем, что сейчас происходит?

— Можно. События «Эры милосердия» вызваны послевоенной обстановкой. Слава Богу, сейчас нет крупных танковых сражений. Но обстановка, устроения, психологический настрой людей, по-моему, такие же, как после большой войны, причем проигранной. Чувствуется равнодушие, усталость, всем на все наплевать.

— А что особенно бросилось в глаза в этот приезд?

— Огромное число ребятшек, занимающихся мелким бизнесом, чего никогда не было. Это чрезвычайно яркое впечатление. Эти мальчишки, моющие машины, стекла, продающие газеты, ворованный бензин, — нечто необычное. Может быть, важное для будущего.

А пока, страшно сказать, наш уголовный мир стал поставщиком наемных убийц. Сейчас в одной из тюрем Калифорнии находятся под следствием трое наших «туристов», которые обвиняются в рэкете по отношению к советским эмигрантам и в еще более тяжелых преступлениях. Такие же случаи, как я знаю, зарегистрированы в Германии.

Нью-Йоркской полиции действительно трудно бороться с русской мафией. У нее нет своих людей в Брайтоне (русско-еврейский район в южной части Нью-Йорка). Тут немало наших бывших эзков, которым местная тюрьма — что профсоюзный санаторий. Полиции они не боятся. И никогда не доносят: за это свои же и убьют.

— А в чем разница между нашими милиционерами и их полицейскими?

— Американские полицейские жестоки, наши милиционеры разнузданны. Полиции здесь боятся. И есть за что. Если при аресте вы попытаетесь делать резкие движения, засунуть руку в карман, они стреляют без предупреждения. Полиция менее коррумпирована, чем советская милиция, потому что ее люди — не «лимитчики», заинтересованные, в первую голову, не в работе, а в прописке, жилье и т. п.

— Вы по-прежнему любите детектив?

— Да! Этот жанр обладает огромными изобразительными возможностями. Герои действуют на срезе пограничных состояний общества, судеб. Детектив — это яркие, сложные люди, драматические коллизии, сильные страсти. Детектив без больших страстей можно выкинуть на помойку. Все это сродни моему темпераменту...

Как я уже говорил, в центре нашего нового романа — проблемы межнациональной преступности. Я не верю в существование «чистой» мафии. Мафия не бывает без выходов на политические структуры. Вот и здешняя русская существует, опираясь на какие-то бывшие советские структуры. Крутит делами от производства и транзита наркотиков до крупнейших банковских махинаций, участвует в самых опасных уголовных делах, в золотом бизнесе, контрабанде антиквариата. В этом интересно покопаться.

— Читают ли наши детективы в США?

— По моим наблюдениям, практически нет. Да и других наших современных писателей вниманием не балуют.

— А Солженицына?

— Солженицына в Штатах знает каждый — как политика, но, думаю, не как писателя. Трудно представить, что обычный американец осилит «Красное колесо», — это для изучения в Колумбийском университете, на славистской кафедре. Там Солженицына и впрямь знают больше, чем мы.

А вообще детективы американцы любят. Эта отрасль издательской индустрии процветает. Да и вообще, напоминая, каждая третья книга в мире — детектив.

Беседовал
В. ВОДОЛАЖСКИЙ.

Неделя. - 1992 - абс. (№32) - с. 12

МЕСТО ВСТРЕЧИ ДЕТЕКТИВ